

УДК 929 Бузескул+Иконников (044.2)

ПИСЬМА В. П. БУЗЕСКУЛА К В. С. ИКОННИКОВУ

В современной историографической ситуации одной из актуальных проблем является изучение коммуникативного пространства отношений ученых. Межличностные коммуникации, отражающие саморефлексию историков, считаются наиболее «интимной» частью рефлексивного пласта науки¹. Их изучение позволяет выявить особенности складывания и функционирования сетевых научных сообществ, а также лежащее в их основе единство культурных практик и своеобразие ценностных ориентиров представителей науки.

Публикация документов личного происхождения, эпистолярного наследия ученых предоставляет источники для подобных исследований и одновременно может рассматриваться как средство привлечения внимания к этому перспективному направлению научных исследований. В очередном выпуске «Харківського історіографічного збірника» мы продолжаем публиковать материалы, связанные с жизнью и межличностным общением профессора Харьковского университета В. П. Бузескула.

Письма В. П. Бузескула к В. С. Иконникову хранятся в «Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського». Переписка охватывает период с 1893 г. по 1916 г. (54 ед. хр.). В данном случае мы предлагаем наиболее интересные, на наш взгляд, письма из этого фонда.

Знакомство В. П. Бузескула с В. С. Иконниковым состоялось еще в 1888 г. Об этом свидетельствует письмо Д. И. Багалея к

¹ Корзун В. П. Межличностные коммуникации историков как отражение интеллектуальной напряженности (к характеристике познавательной ситуации на рубеже XIX-XX вв) // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда : материалы четвертой Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство. XX век, 27-28 сентября 2000 г., г. Омск. В 2-х тт. Т. 2. – Омск, 2000.

В. С. Иконникову, в котором Дмитрий Иванович просил сообщить может ли В. П. Бузескул пользоваться библиотекой Киевского университета². Вероятно именно с этой поездки началось многолетнее общение В. П. Бузескула и В. С. Иконникова.

Переписку историков нельзя назвать интенсивной: часто поводами для писем служили поздравления по поводу праздников, юбилеев или творческих успехов. С другой стороны, постоянным поводом для переписки был обмен научными исследованиями. Интересно, отметить, что подавляющее большинство работ, упоминаемых в письмах В. П. Бузескула – это были историографические работы. Будучи представителями разных исторических дисциплин (русской и всеобщей истории), историки осознавали общность своих интересов в области историографии и выстраивали коммуникацию вокруг этой области знания, тем самым являясь участниками неформального сообщества историографов.

Второй постоянной темой для «диалога» являлся обмен новостями и мнениями о событиях университетской жизни. Ученые одинаково реагировали на эти события, о чем свидетельствует откровенность в их оценках со стороны В. П. Бузескула. Несмотря на разницу в возрасте, по всей видимости, Бузескул считал себя в мировоззренческом плане представителем того же поколения, что и Иконников. Можно, наверное, говорить и о схожести темпераментов историков. Но главное, что письма В. П. Бузескула дают возможность поразмышлять о профессорской культуре, моральных идеалах и общественной позиции определенной группы профессоров. Как заметил Д. А. Цыганков, для Бузескула эта позиция, рассматриваемая как основа для объединения ученых разных политических взглядов и разных поколений, выражалась в понятии «академизм», подразумевающим приоритет культурных,

² ІР НБУВ НАНУ Ф.3. Листування. Спр. 47527. Листи Д. І. Багалія до В. С. Іконникова з Харкова від 19.05.1888. – Арк. 11.

научных и академических ценностей³ (а нам хотелось бы добавить еще и – гуманистических ценностей, заставляющих на первый план выносить не собственные убеждения, а общечеловеческое измерение поступков). Письма В. П. Бузескула к В. С. Иконникову приоткрывают, возможно, завесу над несколько драматическим следствием такого личностного самоопределения, выразившимся в ощущении себя «лишним человеком» на фоне бурно развивающихся общественных событий и радикализации жизни. В этих условиях только наука предоставляла ученым точку опоры в возможности осмыслить происходящее.

В тексте сохранены особенности стиля и пунктуации автора, в квадратных скобках восстановлены сокращения слов за исключением общепринятых. Стилистические особенности написания отмечены астерисками. Пронумерованные примечания приводятся в конце.

Публикацию подготовила Ю. А. Киселёва.

№ 1

23 декабря 1899, Харьков

Харьков.
1899 г., 23 декабря.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Давно собирался написать Вам, но все со дня на день откладывал. Теперь, пользуясь свободным временем, берусь за перо, чтобы, во-первых, поздравить Вас и глубокоуважаемую Анну Леопольдовну¹ – от себя и от жены – с Праздником и с приближающимся Новым годом и от всей души пожелать Вам всяческих благ (в частности желаю выхода в свет II-го тома Вашего капитального труда²), а во-вторых, чтобы поделиться впечатлением, какое произвел на меня и на некоторых

³ Цыганков Д. А. К истории научных контактов В. И. Герье и В. П. Бузескула // Харківський історіографічний збірник. – X., 2012. – Вип. 11

моих коллег доклад Вашей Киевской Комиссии по поводу летнего циркуляра министра³. С этим докладом я только что ознакомился и подумал: Слава Богу, что нашелся хоть один университет, который высказал, можно сказать, нашу общую мысль, то, что думает и только более или менее таит в себе большинство из нас, любящих университет и скорбящих при виде печальных явлений в его жизни. Еще перед каникулами, по поводу Высочайшего объявления, у нас в Харькове шли толки, что необходимо же наконец профессорам высказаться, снять с себя обвинение, открыто указать на то невозможное положение, крайне унижительное, в которое ставит их устав, указать, что этот устав несовместим с Высочайше высказанными желаниями... Но поговорили и затем замолчали; а это истекшее полугодие мы так были заняты мелкими дрязгами, личными счетами, борьбой самолюбий, что о более важном совсем позабыли...

Думаете ли быть в Москве в начале января на предварительном собрании по поводу предстоящего в Харькове съезда⁴? Я отказался ехать, частью по нездоровью, частью за недосугом: хотелось бы начать печатать книжку: «Введение в историю Греции» (обзор источников и очерк разработки греческой истории, преимущественно в XIX в., – из лекций, читанных мною). Из наших всемирных историков поедет А. С. Вязигин⁵.

Мы часто с женою вспоминаем о Вас, о Вашей радушии и гостеприимстве, и теперь я пользуюсь случаем, чтобы еще раз поблагодарить Вас и Анну Леопольдовну за то внимание, которым мы были окружены.

Крепко жму Вашу руку. Еще раз – сердечный привет и поздравление.

Глубоко уважающий Вас и преданный В. Бузескул.

P.S. Наш привет и поздравления Ольге Владимировне⁶.

Я получил оттиск отчета о деятельности общества Нестора⁷. Не знаю, кому обязан я этим; возможно секретарю – М. Н. Ясинскому⁸? В таком случае прошу Вас при встрече передать ему мою благодарность.

IP НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48412. Арк. 29-31.

№ 2

13 апреля 1900 г., Харьков

Харьков.
1900 г., 13 апреля.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

За предпраздничной и праздничной суетой не успел я поблагодарить Вас за подарок – за Вашу статью о новом труде проф. Платонова⁹, которую я с большим интересом и удовольствием прочитывал, когда она появлялась в Ж.М.Н.Пр¹⁰.; а теперь получил Ваше письмо, за которое приношу Вам – от себя и от жены – искреннюю благодарность.

Должен признаться, что читал его с некоторою грустью: оно гармонирует если не с праздничным временем, то с моим собственным настроением. И я испытываю нечто подобное; работается не так легко, развивается какая-то мнительность, неуверенность, делаешься каким-то кунктатором. Меня напр. прямо начинает тяготить медленность, с какою подвигается обработка и печатанье моего «Введения в историю Греции». А тут еще пришлось пережить нелегкий год в университетской жизни; правда, забастовок не было, но в нашей собственной среде было немало дрязг и мелочей, способных отравить настроение, взволновать и помешать работе.

Но довольно об этом. – Начинаем готовиться к съезду. Предварительный комитет уже действует (правда, пока еще в качестве университетской [подчеркнуто автором.– Ю. К.] комиссии); председателем избрали мы, как это и подобало, Дм. Ив. Багалия¹¹; секретарем Е. К. Редина¹², большого труженика, специалиста по византийским древностям (ученик – Н. П. Кондакова¹³). На них, да еще на Н. Ф. Сумцове¹⁴, председателе нашего ист[орико]-филол[огического] общества¹⁵, и лежит главная работа. На Фоминой¹⁶ ожидаем приезда графини Уваровой¹⁷. Есть планы устроить во время съезда этнографическую выставку; за это, кроме Сумцова, берется главным образом наш географ проф. Краснов¹⁸, человек чрезвычайно подвижный и предприимчивый, хотя не всегда достаточно основательный.

С грустью прочли мы Ваши вести о нездоровье Анны

Леопольдовны и Вашем. От всей души желаем Вам обоим поскорее оправиться совершенно, приободриться и телом, и духом. Вас, глубокоуважаемый Владимир Степанович, должна поддерживать мысль о продолжении и окончании монументального труда Вашего по русской историографии, подобного которому едва-ли найдешь в какой-либо литературе. С наилучшими пожеланиями – от себя и от жены – остаюсь

Сердечно преданный Вам В. Бузескул

Наш привет Анне Леопольдовне и Ольге Владимировне.

IP НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48410. Арк. 23-25.

№ 3

7 ноября 1900 г., Харьков

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Одновременно с этим письмом высылаю Вам свое «анонимное» произведение¹⁹. Происхождение его таково. Летом, когда я жил на даче под Харьковом – с тем, чтобы наблюдать за окончательной отделкой дома и вместе закончить печатание начатого мною «Введения в греческую историю», на меня неожиданно-негаданно свалилась иная работа: ректор просил взять на себя составление обзора жизни и деятельности Харьковского университета за время царствования Имп. Александра III, – обзора, который нужно было составить спешно по требованию министерства для той общей истории главнейших учреждений империи и министерств за 1881-94 гг., которую пожелал иметь уже теперь Государь. Работу эту, говоря по совести, должен был бы взять на себя Дм. Ив. Багалей, как наш присяжный историк университета. Но лето проводил он в Анапе, а находясь временно в Харькове, положительно отказался братья за нее. Итак на меня пал нелегкий жребий писать упомянутый исторический очерк. Окончил я его лишь в сентябре; при этом решили, что вместо того, чтобы его переписывать для министерства, – напечатать в 100 экзempl. на правах рукописи.

Я на свою долю за труд получил лишь 10 экз.; из них один и спешу выслать Вам, как знак сердечного расположения и глубочайшего уважения моего. (Еще один экз. посылаю Ф. Я. Форгинскому²⁰; другим лишен возможности выслать).

Эта работа расстроила все мои планы и решительно отравила мне каникулы. Она по существу была мне неприятна: она требовала своего рода дипломатического таланта, неискренности. Могу сказать однако по совести, что я писал так, как думал. Это же работа заставила меня опять на несколько месяцев забросить свое «Введение»... Словом я летом недоволен...

С 31 августа мы переселились с дачи в свой уже дом. Хлопот было немало. Да и теперь еще приходится исправлять или доделывать разные мелочи. Это способно отравить сознание, что живешь в своем доме. Да и занятиям мешает, не дает как следует сосредоточиться на них. А между тем как бы мне хотелось довести до благополучного конца начатое печатание, а затем, кроме «Введения», выпустить и курс самой истории Греции!

Жена обременена заботами и хлопотами по устройству в новом нашем жилище еще больше меня. С удовольствием и чувством признательности за Ваше радушие и гостеприимство вспоминаем мы с ней о нашем пребывании в Киеве в августе прошлого года. Шлем наш искренний привет Вам, глубокоуважаемой Анне Леопольдовне и Ольге Владимировне.

С пожеланием Вам всего лучшего остаюсь душевно преданный Вам и глубокоуважающий Вас В. Бузескул

1900 г., 7 ноября
Харьков.

Угол Сорокинского пер. и
Мироносицкой ул., д № 6/13

ІР НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48409. Арк. 20-22.

№ 4

26 ноября 1903 г., Харьков

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Сердечно благодарю Вас за письмо; а жена моя очень тронута Вашим вниманием и доброю памятью и шлет Вам свою искреннюю благодарность за поздравление.

До нас доходят известия о Киевских событиях в университете и политехникуме. У нас пока ничего подобного нет, но есть уже

симптомы возбужденного состояния, а тут Русское Собрание²¹, конечно, может послужить поводом и подлить масла в огонь. Распространяются воззвания двух крайних противоположных групп студенчества – революционной и «общества русских студентов». Чем это все кончится, Бог ведает.

Я лично чувствую себя прескверно. Деканство меня сильно тяготит и отвлекает от научных занятий. Летом я не отдохнул, хотя и не занимался; приехал в Харьков из Крыма в подавленном настроении. Просил освободить меня от деканства, но пришлось остаться. А тут и на факультете у нас уже не так ладно, как прежде. Выделяется группа «Русск[ое] Собр[ание]»; новый наш коллега, проф. церковной истории – Бродович²² (из Киевск[ой] Дух[овной] Акад[емии]), причиняет немало хлопот, хотя всего только 3 месяца находится в нашей среде. Он попал к нам благодаря рекомендации (в министерстве) Вашего декана, несмотря на то, что на конкурсе мы его отвели, как не имеющего никаких работ по церковной истории. Д. П. Флоринского²³ мы не поблагодарим за его содействие Бродовичу в министерстве...

Чествование М. С. Дринова²⁴ прошло очень хорошо, и я доволен, что мог иметь возможность и удобный случай выразить наше уважение и симпатию этому достойнейшему члену нашей коллегии. Дай Бог, чтобы он подольше оставался в нашей среде; теперь, когда факультет переживает своего рода кризис, его присутствие среди нас особенно необходимо.

О Екатеринославском съезде²⁵ мы, кажется, очень мало думаем: у нас на очереди предстоящий юбилей университета; задумано много, а времени мало, да и настроение не юбилейное.

Как поживает А. В. Романович-Славатинский²⁶? Выйдут ли его мемуары отдельную книжку²⁷? Довольны ли Вы новым всеобщим историком²⁸?

У нас предстоит конкурс по кафедре славяноведения. Хотелось бы найти достойного помощника Марину Степановичу; но не знаю, удастся ли.

Я и жена шлем наш искренний привет Вам и глубокоуважаемой Анне Леопольдовне.

Душевно преданный Вам и уважающий Вас В. Бузескул

Харьков.

1903 г., 26 ноября.

№ 5

23 декабря 1903 г., Харьков

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

В виду наступления праздника Рождества и приближающегося Нового Года позвольте поздравить Вас и многоуважаемую Анну Леопольдовну – от себя и от жены – и пожелать Вам доброго здоровья, сил и всяких благ...

Семестр кончился благополучно. Что то принесет Новый Год?.. Едва-ли когда-нибудь я чувствовал себя на Рождественских святках так неладно, как теперь. Отчасти это объясняется тем, что на очереди несколько срочных работ и сознаешь, что справишься с ними не в силах: надо подготовить немало к предстоящему юбилею; приходится просматривать «Лекции» М. Н. Петрова («Новую историю») для 2-го издания²⁹; надо решать, рискнуть ли на 2-е издание своего «Введения в историю Греции», так как 1-е почти уже разошлось. А главное – деканские обязанности, которые мешают сосредоточиться, которые не дают покою и все отравляют... Наш новый коллега, Бродович, о котором я Вам писал, по-прежнему – и даже еще в большей мере – доставляет нам хлопот. Это довольно любопытный тип, который впрочем лучше наблюдать издали, чем иметь с ним дело. Я очень люблю Харьковский университет, привязан к нему; два раза (в 1890 и в 1894 г.) отказывался от перехода в Одессу, но теперь по временам бывает такое настроение, что готов был бы покинуть Харьков, перейти в другой университет и жалко, что не перешел в Одессу...³⁰

Вообще – какое-то возбужденное, раздраженное настроение. Недавно разыгралась тяжелая сцена в нашей Общественной библиотеке, где председателем Д. И. Багaley и где так прекрасно шло дело. В общем собрании разыгрались страсти по поводу выписки «Знамени» Крушевана³¹. Людям сколько-нибудь умеренным, стоящим вдали от политиканства, просто житья нет: с одной стороны – русское собрание, а с другой – крайняя жидовствующая партия... С одной стороны – студенты-террористы, а с другой – «общество русских студентов»,

грозящее опубликовать фамилии профессоров-вдохновителей революционеров и любезно рассылающее прокламации, содержащие подобные угрозы...

Но довольно о печальных явлениях. Не знаю, лучше ли у Вас.

Наш сердечный привет и наилучшие пожелания Вам и глубокоуважаемой Анне Леопольдовне.

Искренне уважающий и преданный В. Бузескул.

Харьков.

1903 г., 23 декабря

IP НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48401. Арк. 26-28.

№ 6

27 февраля 1904 г., Харьков

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Вчера вечером зашел ко мне стипендиат Вашего университета г. Попов и вручил мне Ваше письмо от 19 февраля. Пока он выразил желание послушать некоторые лекции. Все, что можем, мы, конечно, сделаем для него.

Сердечное спасибо Вам за Ваше любезное письмо и добрую память. У нас беспокойно: один приват-доцент юридич. фак. прочитал студентам лекцию на животрепещущую тему о русско-японской войне, кажется, в неосторожной форме; молва разошлась об этой лекции, и наше начальство побудило приват-доцента прервать чтение лекций на все это полугодие. Студенты по этому поводу теперь волнуются, обвиняют, кажется, некоторых из своей среды в доносах и т.д.; а сегодня устроили уже и сходку.

Что дальше будет, неизвестно. [...]

1904, 27 февраля.

IP НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48400. Арк. 23.

№ 7

25 марта 1904 г., Харьков

Харьков.
1904 г., 25 марта.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Я еще не поблагодарил Вас за Ваше любезное письмо и за Ваш ответ на мой вопрос о д-ре Г. Сердечное спасибо Вам!

О наших университетских происшествиях Вы, вероятно, отчасти уже осведомлены. Лекция приват-доцента, о которой я Вам писал, вызвала волнение, так как студенты стали подозревать некоторых из своих товарищей (членов «общества русских студентов») в доносах. 27 февраля произошла сходка, причем ректора студенты встретили не очень почтительно, раздавались даже свистки. Основанием к подозрениям служило между прочим то, что еще в конце нынешнего семестра упомянутое общество распространяло прокламации и угрожало «опубликовать фамилии студентов-революционеров и их вдохновителей из профессорской корпорации». На 2-е марта назначена была новая сходка, но она потерпела фиаско, особенно после категорического заявления ректора³², что в данном случае никакого доноса не было; не удалась попытка устроить* сходку и 6-го марта. Движение стало затихать. Тем не менее, 20 студентов у нас уволено навсегда, 34 – на 2 года, а 65 – выговор. Наказание это наложено властью ректора на основании ст. 17 Устава. С правлением ректор лишь совещался и на возражения и вопросы одного из членов заявил, что берет он на себя это дело на основании указанной статьи. Профессорский суд не был призван к участию и, как слышно, оскорбленный подает в полном составе отказ от пустого звания. Как бы то ни было, но до Пасхи мы дожили без крупных волнений. В технологическом же институте дело приняло гораздо более широкие размеры...

После Пасхи думаю приступить ко 2-му изданию своего «Введения в историю Греции»; 1-е уже все разошлось, а между тем спрос продолжается и книгопродавцы убеждают меня поторопиться с новым изданием. Это отчасти влияет на перемену моих планов относительно лета: придется отложить задуманную поездку за границу и заняться корректурой.

От души радуюсь тому, что именно Вы – председатель Археографической Комиссии, и поздравляю Вас с этим назначением. Просим Вас и глубокоуважаемую Анну Леопольдовну принять наш привет и поздравления со Светлым Праздником. Будьте здоровы и не забывайте

Искренне уважающего Вас и преданного В. Бузескула

IP НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48399. Арк. 20-22.

* В тексте зачеркнуто слово «собрат».

№ 8

26 декабря 1904, Харьков

1904 г., 26 декабря.
Харьков.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Я и жена просим Вас и многоуважаемую Анну Леопольдовну принять наше искреннее поздравление с праздником Рождества и с наступающим Новым Годом; от всей души желаем Вам доброго здоровья и всяких благ.

С тяжелым настроением приходится встречать и проводить праздники. Порт-Артурские страдальцы не выходят из головы. Да и наши внутренние дела не располагают к веселому, радостному настроению. Слава Богу! Семестр у нас прошел спокойно, но что впереди? Хорошему не верится. На днях, получили бумагу относительно пропуска профессорами лекций. Вероятно такую-же и Вы получили? Газеты еще раньше опубликовали ее содержание, но мы сначала думали, что это шутка, что кто-то желает посмеяться над Г-вым³³. Но оказалось не шутка, а действительность. Комично и в то же время противно и полное незнание условий университетского преподавания.

Что у Вас нового относительно «Русск. Собр.»? Вот, кажется, и в Киеве затевают устроить его отделение? На днях, в газете прочитал, что Ю. А. Кулаковский³⁴ избран в члены

«Собрания» в Петербурге. Значит, его колебания исчезли. А наше затевает ряд процессов: во-первых, редактор «Мирного Труда»³⁵, как слышно, предполагает привлечь к суду (за клевету) «Вестник Евр.» по поводу заметки в ноябрьск. книжке о статье, помещенной в 6-м № «Мирн. Труда»³⁶, статье, произведшей у нас также удручающее впечатление и вызвавшей негодование у многих, разошедшихся после этого в В-ным³⁷. Во-вторых, Харьковское «Рус. Собр.» начинает дело против общественной библиотеки или, по крайней мере, против некоторых ее членов, выступивших против «Русск. Собр.» во время выборов, в результате чего была забаллотировка всех, принадлежавших к «Рус. Собр.», причем члены последнего названы были шпионами и доносчиками.

А рядом – действуют «радикалы» 5-го декабря в земском доме устроили «конституционный банкет» и подписали пять резолюций до требования прекращения войны и всеобщей, тайной подачи голосов включительно.

Можете сами судить, каково приходится чувствовать себя элементам умеренным, не сочувствующим ни патриотам в форме опричнины, ни радикалам, для которых нет ни времени, ни места, ни истории, ни уважения к личности, о котором они так толкуют...

Видели ли Вы книгу Трифильева³⁹? И ознакомились ли с нею? Интересно было бы знать Ваше мнение об этой диссертации. У нас специалисты расходятся в оценках (пока словесной, частной: в факультете еще не рассматривали); один очень высокого мнения, а другой, кажется будет настаивать на изменениях или дополнениях. – Состоялся ли переход Покровского к Вам? – Весною предстоит конгресс в Афинах. Будет ли кто-либо из Киевских профессоров?

Будьте здоровы и не забывайте душевно преданного Вам и глубоко уважающего В. Бузескула.

№ 9

11 апреля 1905 г., Харьков

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Несколько времени тому назад В.И. Савва⁴⁰ передал мне Ваш подарок – книгу о Киеве⁴¹, но я до сих пор не собрался поблагодарить Вас за память и впечатление, которые я очень ценю, и за то великое удовольствие, которое доставило мне чтение многих страниц Вашей монографии. Говорю: «многих», так как отвлеченный некоторыми срочными работами я читал пока Вашу книгу еще не всю, а отдельные главы, чтение же подряд отложил до праздников; заранее предвкушая новое удовольствие от ее чтения всей целиком.

Мою статью о Лунине⁴², надеюсь, Вы получили⁴³. Пришлось несколько омрачить то сияние, в котором представлялся Лунин харьковским современникам, как ученый профессор, якобы пролагавший новые пути в науке, но я считал необходимым установить беспристрастный взгляд на его курсы.

Имеются спешные работы, а работается плохо, как никогда: до такой степени волнуют и отвлекают переживаемые события. Частые и долгие заседания то в комиссии университетской, то в совете и факультете утомляют и действуют на нервы сильнее чтений лекций. А тут еще – «профессорский спор»! Я пока отношусь к нему с некоторым недоверием, в том смысле, что боюсь как бы политика не возобладала в нем окончательно над академическим делом, и как бы не пришлось идти на буксире за Петербургом или вообще за теми, за кем не всегда желал бы идти; боюсь, что будут в нем «эксотерики» и «эсотерики». Интересно, много ли у Вас его сторонников.

Вообще для тех, кто привык жить интересами науки и университета, настали тяжелые времена: чувствуешь свое бессилие, чувствуешь себя подчас как-бы лишним человеком. Только надежда на то, что со временем все же наступит, вероятно, и для наших университетов лучшее будущее, несколько поддерживает, но часто и эта надежда падает...

Будете ли Вы в Екатеринославе? Графиня очень хлопочет об этом съезде.

Позвольте теперь же, заранее, поздравить Вас и глубокоуважаемую Анну Леопольдовну, от себя и от жены, с предстоящим Праздником и от всей души пожелать Вам доброго здоровья и всех благ.

Глубоко уважающий Вас и сердечно преданный В. Бузескул
Харьков.
1905 г., 11 апреля.

ІР НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48395. Арк. 8-10.

№ 10

27 ноября 1908 г., Харьков

Харьков.
Мироносицкая ул., д. 13.
1908 г., 27 ноября.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Сердечно благодарен Вам за Ваше письмо. Простите великодушно, что долго не писал Вам. В Киеве, на пути за границу, не решались предпринять экскурсию к Вам на дачу, так как не были хорошо знакомы с топографией Киевских окрестностей и боялись опоздать на поезд и, кроме того, не желали стеснить посещением, быть может, не вовремя.

Летом были мы сначала в Берлине. Присутствовал я на конгрессе историков. Впечатления вышли не особенно в пользу конгресса; в сущности, и в статье Егорова (Рус. мысль, сент.)⁴³ и в статье Ю.А. Кулаковского⁴⁴ верно отражается впечатление большинства русских. Немцы ухаживали за англичанами. Промахов в организации конгресса было немало, а отношение заправил к прибывшим членам не особенно «теплое». Интересное собрание было у Шимана, который задумал основать орган по истории Восточной Европы, в котором, по его плану, должны принять участие русские специалисты и цель которого – знакомить немецкую публику с трудами русских. Шиман желал бы получить субсидию от русского правительства на это издание (от своего не получит). Мы выразили сочувствие плану, но надежд на правительственную субсидию не поддержали.

Из Берлина я с женою поехали в Дрезден, оттуда в Прагу, которую я давно интересовался и где мне хотелось повидаться с издателем и переводчиком моего «Введения в историю Греции», печатаемого на чешском языке⁴⁵. Из Праги мы чрез Вену, где пробыли дня два, вернулись в августе в Харьков. Тут начались разные хлопоты, а потом университетские осложнения, забастовки и проч. Все это очень тяжело отзывалось на настроении и мешало успешности моей работы над «Историей афинской демократии». Лишь на этих днях я закончил свою работу над нею. Теперь осталось набрать лишь 2-3 и отпечатать листов 5. Надеюсь, что в январе книга выйдет. Печатаю я у Стасюлевича, а не в Харькове.

От души радуюсь и сочувствую тому, что печатание продолжения Вашего капитального труда подходит к концу. Это – по истине *opus magnum*⁴⁶, подобного которому и у немцев нет. Сужу по I-му тому⁴⁷.

Когда возвратится Ардашев⁴⁸? При случае не откажите сообщить.

Вы не написали своего теперешнего адреса. Поэтому адресую в университет. Надеюсь, что мое письмо дойдет до Вас.

Жена искренне благодарит за поздравления, за внимание и добрую память. Она и я шлем Вам и глубокоуважаемой Анне Леопольдовне наш сердечный привет и наилучшие пожелания. Глубоко уважающий Вас и преданный В. Бузескул.

IP НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48384. Арк. 5-7.

№ 11

5 апреля 1911 г., Харьков

Харьков,
Мироносицкая ул., д. 13.
1911 г., 5 апреля.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Хотя до праздника еще несколько дней, но позвольте, ввиду накопления на почте корреспонденции и неаккуратной доставки, теперь же от себя и от жены поздравить Вас и глубокоуважаемую

Анну Леопольдовну с Светлым Праздником и от души пожелать Вам здоровья и всего хорошего.

Вероятно, Вы знаете, что у нас, в Харьковском университете, забастовка была* сравнительно без особых осложнений – она в сущности не удалась, лекции на нашем и юридическом факультете все время шли и даже при значительном числе слушателей. На медиц. и математ. фак., правда, лишь единицы** посещали лекции (до марта). Но с марта забастовка окончательно прекратилась и сам «коалиционный комитет» счел за лучшее объявить ее конченою, т.к. она будто бы достигла своей цели. Обструкции у нас совсем не было. Но все же положение профессоров было тяжкое, невыносимое. Хорошо еще, что полиция только два раза и ненадолго вводилась в университет. Но нельзя не отметить удивительной меры, предпринятой администрацией (губернатором) – были переписаны наравне с забастовщиками студенты, заведомо явившиеся на лекции, и их обязали, под страхом административной кары, являться ежедневно на лекции и подвергаться регистрации. Образовали таким образом контингент «закрепощенных» слушателей...

По поводу министерского циркуляра Совет наш избрал комиссию для составления доклада. Я попал в эту комиссию, хотя всячески просил уволить меня, в виду состояния моего здоровья: я уже не могу выносить долгих, частых заседаний, нервнующих, расстраивающих. И действительно, под конец я заболел, явились мучительные приступы боли в печени, иногда я целые сутки не находил места от боли...

Пришлось прервать лекции, занятия, обратиться к доктору. У меня оказались камни в печени и разлитие желчи. Летом надо ехать на Кавказ или Карлсбад. А я хотел ехать в Грецию...

Во время одного из приступов болезни получил предложение быть представителем испытательной комиссии при университете Св. Владимира. Я, конечно, отказался. А то бы май проводил в Киеве и познакомился бы с добрыми знакомыми... Не скрою, впрочем, что самая миссия была бы мне не по душе. И это – один из мотивов, хотя и не главных моего отказа.

Владим. Ив.⁴⁹ передал Ваш привет (в письме к нему). Сердечно благодарим за добрую память. Примите и наш привет и – еще раз – добрые наши пожелания.

Глубоко уважающий Вас и преданный В. Бузескул.

IP НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48379. Арк. 18-20.

* В тексте слово «прошла» зачеркнуто.

**В тексте зачеркнуто два слова.

№ 12

19 июня 1913 г., Харьков

Харьков.
Мироносицкая ул., 13.
1913 г., 19 июня.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Пишу из Харькова, где думаю еще остаться до первых чисел июля. Июнь – хороший месяц и можно сосредоточиться, не отвлекаясь ни лекциями, ни заседаниями, которые у нас теперь, благодаря пришельцам, стали тяжелыми до невыносимости. И вот я сижу пока над своею работою по подготовке курса греческой истории к печати. Хотелось бы очень хотя бы в конце осени приступить к печатанию. Погода благоприятствует занятиям: каждый день дождь, сыро, холодно. Остается сидеть в кабинете за работою...

Врачи находят состояние моего здоровья удовлетворительным; говорят, что в Карлсбад можно не ехать, а советуют опять отправиться в Ессентуки. В прошлом году я вернулся оттуда больным с приступами моей боли. Но, говорят, что это – к лучшему; это результат вод, которые вызвали прохождение камней и песка из печени. Итак, если перемен не последует, за границу не поедем, а следовательно не побываем и в Киеве.

У нас новая утрата – умер Д. П. Миллер⁵⁰. Правда, он не принадлежал к числу наших университетских преподавателей; он занимал скромную должность помощника библиотекаря. Но это был прекрасный человек и очень способный. Его смерть для меня горька: это был один из старейших моих слушателей и одним человеком, любившим университет и наш прежний [подчеркнуто автором. – Ю. К.] факультет, стало меньше.

Огорчен вероятно, очень Д. И. Багалей: Д. П. Миллер был его ближайшим учеником и занимался историей Малороссии («Очерки из истории и юридич. быта старой Малороссии») и огромная история нашего Харькова, написанная ими совместно)⁵¹.

После каникул придется, вероятно, решать вопрос о замещении кафедры истории западных литератур. В числе кандидатов, м.б. будет назван г. Гливенко⁵². Он был, помнится, лектором итальянского языка в Киевском университете. Не можете ли сообщить, при случае, каков он как преподаватель и как человек? Очень был бы признателен Вам за сведения.

Сердечный привет наш – от меня и от жены – Вам и глубокоуважаемой Анне Леопольдовне. От души желаем Вам всего доброго.

Искренне преданный Ваш почитатель

В. Бузескул.

Желаю скорейшего выхода «Максима Грека»⁵³ и перевода его на греческий язык. Радуюсь за Вас и за русскую науку, пренебрегаемую нашим министерством, но ценимую за пределами нашего отечества.

ИР НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48372. Арк. 1-3.

№ 13

31 октября 1913 г., Харьков

Харьков.
1913 г., 31 окт.

Глубокочтимый Владимир Степанович!

Сердечно благодарю за Ваше любезное письмо и спешу оправдаться в том, что не предупредил относительно 25-летия Владим. Ив. Саввы. Дело в том, что об исполняющемся 25-летию его и Арс. Петр. Кадлубовского⁵⁴, я узнал, вернувшись с Кавказа в Харьков. Срок юбилейный был еще летний – 27 авг.; в городе почти никого не было. Решили перенести поздравления на другой срок, более удачный; сделали некоторые подготовительные шаги, но юбиляры наотрез отказались от

чувствования; так оно и не состоялось. О действительном сроке (27 авг.) я не успел предупредить, да и надеялся, что чувствование будет еще впереди. Вот почему и не написал Вам.

Свои труды и листы диссертации г. Беркут⁵⁵ присылает мне. Но по средней истории у нас А.С. Вязигин, так что г. Беркуту придется иметь дело с ним, если желает защищать диссертацию в Харькове. Только наш факультет не тот что был: благодушие исчезло, обнаружались партии, мы уподобились по распрям и приемам медикам, которые искони служат притчей во языцех. Мне давно врачи советуют не ходить в заседания, и я решил теперь последовать их совету. Зачем подвергать себя оскорблениям и волнениям? Я свое уже отдал университету. Нет большинства прежних дорогих учителей и товарищей; а их преемники, пришельцы, не дорожат нашим прошлым, нашими традициями. Недавно было особенно тяжелое заседание. Дело шло об избрании второго профессора по русской истории на место больного Бущинского⁵⁶. Здесь разошлись наши специалисты – Д. И. Багалея рекомендовал одного (Веретенникова⁵⁷), В. И. Савва – другого (Клочкова⁵⁸). Оба выбраны, но больше голосов получил Клочков, так что он является кандидатом факультета. Но, конечно, не это дело заставляет меня прекратить посещение факультетских заседаний, а систематические выходы, направленные против меня лично со стороны проф. Погодина⁵⁹.

У нас, в Харькове, событие дня – закрытие Медицинского общества⁶⁰, считающегося первым в России и 3-м в Европе. С этим обществом связан целый ряд учреждений: Пастеровский институт, лечебница, Женский медиц. институт; лечение от бешенства, дифтеритная сыворотка, разные анализы – в руках общества... Закрыли за резолюцию, осуждающую экспертизу некоторых в деле Бейлиса⁶¹. Впрочем публику успокаивают, что хотя общество закрыто, но «полезные» учреждения его не закрыты. Как это согласовать, не знаю. Радуюсь скорому выходу обновленного Максима Грека. Сердечный привет глубокоуважаемой Анне Леопольдовне и Вам от жены и от преданного В. Бузескула.

№ 14

19 декабря 1913 г., Харьков

Харьков,
1913 г., 19 декабря.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Прочел в газетах об избрании Вас в члены Академии Наук и спешу поздравить Вас от всей души с этим избранием. Сердечно радуюсь за Вас и за русскую науку. Наконец Академия сделала то, что она давно должна [подчеркнуто автором. – Ю. К.] была сделать – избрать достойнейшего [подчеркнуто автором. – Ю. К.] по русской истории! К моему привету и поздравлению присоединяет и свои моя жена.

Теперь в Петербурге собрался съезд историков для организации будущего международного конгресса. Наш университет только на днях избрал депутатов на этот съезд, в том числе и меня; но я не предполагал ехать, так как зимою избегаю поездок, по состоянию своего здоровья, да не хотелось и работы прерывать, - работы, которую надеялся именно теперь довести до такого момента, когда можно было бы приступить и к печатанию. Кажется, и другие намеченные депутаты – проф. Вязигин и Погодин – тоже не поехали. Таким образом наш университет на историческом съезде не будет представлен.

Недавно в Совете были выборы на профессиру новой русской истории. Первый (факультетский) кандидат (Клочков) забаллотирован огромным большинством – 43 против 25 и почти таким же большинством избран второй кандидат – Веретенников. Я не помню, чтобы Совет, часто перерешавший выборы медицинского факультета (но не других факультетов), таким количеством голосов выражал свое отрицательное отношение к выбору факультетскому. Я в этом вижу неодобрение тем приемам, которые* позволили себе некоторые члены факультета, выдвинувшие политические мотивы – впервые у нас! При том, наши специалисты разошлись в рекомендации кандидатов, и совет, очевидно, пошел за Д. И. Багалеем. Мне это было прискорбно, так как тут обнаружилась глубокая трещина в нашем факультете и так как мне пришлось разойтись в мнении

с Вл. Ив.⁶² По-моему, кандидаты приблизительно равные, но одного мы знаем, а другой – для нас неизвестность. Я стоял за того, кого мы знаем.

Письмо мое придет, думаю, перед самым праздником. Поэтому позвольте теперь уже поздравить Вас и глубокоуважаемую Анну Леопольдовну, от себя и от жены, с Рождеством и приближающимся Новым Годом. От всего сердца желаем Вам здоровья и всего доброго!

Глубоко почитающий Вас и душевно преданный В. Бузескул.

ИР НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48369. Арк. 18-20.

* В тексте одно слово зачеркнуто.

№ 15

10 апреля 1914 г., Харьков

Харьков,
1914 г., 10 апр.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Не писал Вам до сих пор и ограничился приветствием в виде карточки потому, что не хотелось затруднять Вас своею корреспонденцией. Но Вы были так добры, что все же написали мне, и я от души благодарен Вам за полученное от Вас письмо, за Ваше внимание и Ваш привет. Позвольте теперь с своей стороны поздравить Вас с праздником и от всего сердца пожелать Вам и глубокоуважаемой Анне Леопольдовне – от себя и от жены – здоровья и всего доброго.

Весна для меня, по крайней мере ее начало, всегда одно из худших времен года: действует как-то неприятно на настроение и вызывает головные боли. Так бывает со мною еще с юности. Но в общем я до последнего времени чувствовал себя порядочно и только теперь, на праздниках, вероятно вследствие некоторого нарушения диеты, испытал приступ, правда, не особенно долгий и не особенно тяжкий, своей болезни печени. А потому и не знаю еще, где проведем лето. Раньше доктора, ввиду моего добропорядочного поведения, предполагали отпустить меня на волю летом. Но теперь, ввиду бывшего приступа, может быть,

изменят решение и направят опять на Кавказ или в Карлсбад. Во всяком случае хотелось бы побывать на съезде в Пскове⁶³. Я в Пскове не бывал и без съезда едва-ли представится случай побывать.

Мне Л. Н. Беркут писал о своем намерении побывать в Харькове. Я ему советую обратиться к А. С. Вязигину, как преподающему у нас среднюю историю. С своей стороны я, конечно, готов сделать что могу. Но во-1-х, я по средним векам не специалист, а во-2-х, мы старые профессора и давние члены фак-та, теперь не в авантаже: в факультете главные руководители А. С. Вязигин и новый его друг А. Л. Погодин. Образовалось большинство и меньшинство со всеми горькими последствиями такого разлада.* В. И. Савва,** может быть очень полезен Л. Н. Беркуту. Но, повторяю, в своем благожелательном отношении я не откажу. Больно нам, помнящим иные отношения в фак-те, теперь*** видишь разлад, партии... Последнее время я заработался; замучили корректуры: печатаю I-ю часть своих лекций по истории Греции; ее составит мое «Введение» (новое издание). Сначала думал положить за основу «Краткое введение», но потом изменил план и превращаю в полное. Вот это и осложнило работу.

Очень буду признателен за присылку указателя.

Привет Вам обоим от жены и от искренне уважающего и преданного В. Бузескула.

ІР НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48368. Арк. 15-17.

* В тексте зачеркнута фраза «к большинству примыкает».

** Зачеркнуто слово «который».

*** Зачеркнуто одно слово.

№ 16

29 декабря 1914 г., Харьков

Харьков,
1914 г., 29 декабря.

Глубокоуважаемый Владимир Степанович!

Давно не имели от Вас вести. Последний раз я писал Вам с Кавказа около середины июля (ко дню Владимира). Не знаю,

дошло ли тогда мое письмо до Вас. С того момента многое совершилось... Война, мировые события поглощают внимание, волнуют. Теперь не до Греции мне: с трудом заканчиваю печатание 3-го издания моего полного «Введения в историю Греции», как I-го тома «Лекций по истории Греции». До войны работа спорилась и печатание шло довольно быстро, а с половины июля по месяцу не получал корректуры. Естественно, интерес переносится на переживаемые события, которые на многое открывают глаза... Я в истекшем семестре читал курс: «Историческая наука в XIX ст.» Пришлось вновь пересматривать историков истекшего века, и многое, что прежде не бросалось в глаза, мимо чего проходил мимо, теперь получило новое освещение и предстало в ином виде. Те черты современной Германии, которые многим показались столь неожиданными, – признание силы, как чего-то высшего, все решающего момента, культ ее, культ «бронированного кулака», попрание права, презрение к слабому, превознесение Германии и ее культуры, пренебрежение к другим нациям, как «вырождающимся» или «низшим» расам, – все это, оказывается проявлялось, и раньше – раньше даже Бисмарка, 1866 г. и 1870 г. – и особенно в области исторической науки в Германии. С месяц тому назад я на эту тему делал доклад в нашем Историко-филологическом обществе, а теперь написал статью, которую, по просьбе Струве, отослал в «Рус. Мысль»⁶⁴. Не знаю, скоро ли ее напечатают. Меня поражает, что еще в 1850 г. известный археолог Росс указывал на Малую Азию, как на страну, где должны утвердиться немцы; а в сочинениях 50-х годов проводилась мысль о необходимости превратить Болгарию в немецкую колонию; Австрии – еще до 1866 г. – указывалась великая миссия – только не в Германии, а в низовьях Дуная, на Балканском полу-ве...

Тяжкий 1914 г. кончается; от души поздравляем жена и я Вас и глубокоуважаемую Анну Леопольдовну с наступлением Нового Года. Да даст он Вам одно только доброе, а всем нам – мир [подчеркнуто автором. – Ю. К.], но мир прочный и достойный. Да разрешатся тяжкие, предстоящие вопросы, разрешатся ко благу! А в числе этих вопросов не только польский, но и галицкий. Боюсь я этой Галиции, как бы не оказалась она осиным гнездом!

Глубоко уважающий Вас и преданный В. Бузескул.

Р. С. По просьбе Л. Н. Беркута направлено письмо мое к нему через Ваше посредство. Не откажите передать ему или переслать.

IP НБУВ НАНУ. Ф. 3. Спр. 48366. Арк. 9-11.

Комментарии

1. Анна Леопольдовна Иконникова – жена В. С. Иконникова.
2. Очевидно, речь идет о работе В. С. Иконникова «Опыт русской историографии», первый две книги первого тома которой были изданы в 1891-1892 гг.
3. Весной 1899 г. произошла первая общероссийская студенческая забастовка. Реакцией на студенческие выступления стало временное закрытие университетов, меры против зачинщиков, а также активная законодательная деятельность министерства народного просвещения, направленная на попытку предупреждения в будущем подобных выступлений. В числе мер предлагалось усиление позиции инспекции в университетах, требования об организации обязательных практических занятий и т.д.
4. Имеется в виду подготовка к проведению XII Археологического съезда, который состоялся в Харькове в 1902 г.
5. Вязигин Андрей Сергеевич (1867–1919) – ученик В. П. Бузескула, профессор кафедры всеобщей истории, специалист по средневековой истории, придерживался консервативно-монархических взглядов, являлся членом монархической организации Русское Собрание, в 1907 г. был избран в члены III Государственной Думы от правых сил.
6. Ольга Владимировна – дочь В. С. Иконникова.
7. Киевское историческое общество Нестора летописца – основано в 1872 г. на основе научного кружка в Киеве, официально открылось в январе 1873 г. В 1874 г. перешло в ведение Киевского университета. В 1874–1877 гг. В. С. Иконников был председателем этого общества.
8. Ясинский Михаил Никитович (1862–1935) – с 1893 г. преподаватель (с 1902 г. профессор) кафедры истории русского права, 1910–1912 декан юридического факультета, 1912–1918 проректор Киевского университета Св. Владимира, в 1899 г. был секретарем Исторического общества Нестора-летописца.
9. Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – профессор кафедры русской истории, декан исторического факультета Санкт-

- Петербургского университета (1900–1905), академик Российской Академии наук (1920). В 1899 г. защитил в Киевском университете Св. Владимира докторскую диссертацию, на защите которой официальным оппонентом выступил В. С. Иконников.
10. Речь идет об отзыве В. С. Иконникова на докторскую диссертацию С. Ф. Платонова. См.: Иконников В. С. [Рецензия] // ЖМНП. – 1900. – № 2-3. – Рец. на кн.: Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве в XVI–XVII веках (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время). – СПб., 1899.
 11. Багалей Дмитрий Иванович (1857–1932) – воспитанник Киевского университета, профессор кафедры русской истории Харьковского университета, занимался изучением истории Слобожанщины, истории города Харькова и Харьковского университета, ректор Харьковского университета (1906–1910), Харьковский городской голова (1914–1917), академик Украинской Академии наук (с 1918).
 12. Редин Егор Кузьмич (1863–1908) – профессор кафедры истории и теории искусств (1901), с 1893 г. заведующий Музеем изящных искусств и древностей Харьковского университета. Участвовал в организации выставки церковного искусства на XII Археологическом съезде, экспонаты которой позднее составили коллекцию отдела церковного искусства при Музее изящных искусств и древностей Харьковского университета.
 13. Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – профессор кафедры истории и теории искусств Новороссийского университета (1877–1888), профессор Санкт-Петербургского университета (1888–1897), специалист по истории византийского и древнерусского искусства.
 14. Сумцов Николай Федорович (1854–1922) – профессор кафедры русской словесности Харьковского университета, секретарь (1880–1897), председатель (1897–1919) Харьковского историко-филологического общества, инициатор создания Педагогического отдела при этом обществе, академик Украинской Академии наук (1919).
 15. Харьковское историко-филологическое общество – научное общество при Харьковском университете, основано в 1876 г.
 16. Фомина неделя – следующая за Пасхальной неделей.
 17. Уварова Прасковья Сергеевна (1940–1924) – историк, археолог, жена известного археолога графа А. С. Уварова, после смерти которого была избрана председателем Московского археологического общества (1885–1917), почетный член Императорской Академии наук (1895).

18. Краснов Андрей Николаевич (1862–1915) – профессор кафедры физической географии и антропогеографии Харьковского университета. Организатор географического кабинета и студенческого географического кружка в Харьковском университете (1890). Основатель Батумского ботанического сада (1912).
19. Речь идет о работе: Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета в царствование Императора Александра III (1881–1894). – X., 1900.
20. Фортинский Федор Яковлевич (1846–1902) – профессор кафедры всеобщей истории, декан исторического факультета (1887–1890), ректор Киевского университета Св. Владимира (1890–1902).
21. Русское собрание – православно-монархическая, общественно-политическая организация. Возникла в 1900 г. в Санкт-Петербурге. В 1903 г. в Харькове открылся первый в Российской империи отдел этой организации, председателем которого стал А. С. Вязигин. Вскоре в Харькове было открыто и студенческое отделение организации.
22. Бродович Иосиф Александрович (1871–1920) – доцент кафедры церковной истории Киевской духовной академии (1897–1903), профессор кафедры истории церкви Харьковского университета (с 1903 г.).
23. Очевидно имеется в виду не Д. П. Флоринский, а Тимофей Дмитриевич Флоринский (1854–1919) – профессор кафедры славянской филологии, декан исторического факультета Киевского университета Св. Владимира (1890–1905), член Киевского клуба русских националистов.
24. Дринов Марин Степанович (1838–1906) – профессор кафедры славянской филологии Харьковского университета, активный участник болгарского национального возрождения, министр народного просвещения и духовных дел Болгарии (1878), основатель Болгарского литературного общества. В 1903 г. исполнилось 30 лет его преподавательской деятельности.
25. XIII Археологический съезд был проведен в 1905 г. в г. Екатеринославе.
26. Романович-Славатинский Александр Васильевич (1832–1910) – профессор кафедры государственного права Киевского университета Св. Владимира.
27. Речь идет, по-видимому, о мемуарах: Романович-Славатинский А. В. Моя жизнь и академическая деятельность. 1832–1884 // Вестник Европы. – 1903. – № 5.
28. В 1903 г. преподавателем кафедры всеобщей истории Киевского университета Св. Владимира стал Ардашев Павел Николаевич

- (1865–1922). Приват-доцент Новороссийского университета (1898–1901), профессор Юрьевского университета (1901–1903), профессор кафедры всеобщей истории Киевского университета (1903–1907), с 1907 г. – профессор Санкт-Петербургского университета.
29. Первое издание «Лекций по всеобщей истории» профессора М. Н. Петрова было издано после смерти историка в 1888–1890 гг. под редакцией В. К. Надлера. В. П. Бузескул участвовал в подготовке к изданию третьего и четвертого тома этого издания. См.: Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. 3: История средних веков / в обраб. В. П. Бузескула, под ред. В. К. Надлера. – Х., 1888; Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. 4: История новых веков (от Вестфальского мира до Венского конгресса) / в обраб. В. К. Надлера, В. П. Бузескула. – Вып. 1. – Х., 1890.
 30. Интересно отметить, что в 1914–1915 гг. обстоятельства работы в Киевском университете подтолкнули В. С. Иконникова в письмах к профессору Харьковского университета В. И. Савве высказать желание переселиться в Харьков и перейти на работу в Харьковский университет. (См. ЦДАК. Ф. 2058. Оп.1. Спр. 530, 557).
 31. Крушеван Павел Александрович – журналист, известный своими антисемитскими выступлениями в прессе. Издавал в Санкт-Петербурге газету «Знамя» (1903–1904).
 32. В это время ректором Харьковского университета был Куплеваский Николай Осипович – профессор кафедры государственного права юридического факультета.
 33. Вероятно, речь идет о Глазове Владимире Гавриловиче – министре народного просвещения (1904–1905).
 34. Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919) – профессор кафедры классической филологии Киевского университета Св. Владимира.
 35. «Мирный труд» – научно-литературный и общественный журнал, издававшийся с 1902 г. А. С. Вязигным.
 36. Речь идет о статьях: Каут А. Обновление // Мирный труд. – 1904. – № 6; Особый род обвинений в харьковском журнале «Мирный труд» // Вестник Европы. – 1904. – № 11.
 37. Очевидно, речь идет о А. С. Вязигине.
 38. Трифильев Евгений Парфеньевич (1867–1925) – с 1901 г. приват-доцент Харьковского университета, с 1914 г. профессор кафедры русской истории Новороссийского университета. Речь вероятно идет о его магистерской диссертации: Трифильев Е. П. Очерк из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла I. – Х., 1904.
 39. Савва Владимир Иванович (1865–1920) – приват-доцент (1895–

- 1905, 1909–1911), профессор (1912–1917) кафедры русской истории Харьковского университета. Состоял в переписке с В. С. Иконниковым.
40. Возможно речь идет о книге: Иконников В. С. Киев в 1654–1855 годах. – К., 1904.
 41. Лунин Михаил Михайлович (1806(7)–1844) – профессор кафедры всемирной истории Харьковского университета.
 42. См.: Бузескул В. П. Профессор М. М. Лунин (1806–1844) – харьковский Грановский: к столетию Харьк. ун-та // ЖМНП. – 1905. – № 2.
 43. Речь идет о работе: Егоров Д. Н. Третий интернациональный конгресс историков // Русская мысль. – 1908. – № 9.
 44. Речь идет о статье: Кулаковский Ю. А. Из Берлина: Международный конгресс историков // ЖМНП. – 1908. – № 10.
 45. См.: Buzeskul V. P. Uvod doreckych dejji / Preioz I. Veverka. – Praga, 1909.
 46. Opus magnum – лучшая, подводящая итог творческой деятельности работа.
 47. Речь идет о работе В. С. Иконникова «Опыт русской историографии», второй том которой был издан в 1908 г.
 48. См. примечание № 28.
 49. Речь идет о Владимире Ивановиче Савве.
 50. Миллер Дмитрий Петрович (1862–1913) – выпускник историко-филологического факультета, с 1895 г. помощник библиотекаря Харьковского университета.
 51. Речь идет о книгах: Миллер Д. П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: Превращение козацкой старшины в дворянство. – К., 1897; Багaley Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования. В 2 т. – Х., 1905–1912.
 52. Гливенко Иван Иванович (1868–1931) – лектор итальянского языка, преподаватель кафедры истории западноевропейских литератур Киевского университета Св. Владимира, профессор Московского университета (1921–1930).
 53. Речь идет о работе: Иконников В. С. Максим Грек и его время. Историческое исследование. – К., 1915.
 54. Кадлубовский Арсений Петрович (1867–1921) – преподаватель кафедры русского языка и русской литературы Харьковского университета (1899–1915), в 1915 перешел в Петроградский университет.

55. Беркут Леонид Николаевич (1879–1940) – историк, специалист по западноевропейскому средневековью, воспитанник Киевского университета, профессор Варшавского университета (1909–1917).
56. Бущинский Петр Никитич (1853–1916) – профессор кафедры русской истории Харьковского университета, один из учредителей отдела «Русского собрания» в Харькове, придерживался консервативно-монархических взглядов.
57. Веретенников Василий Иванович (1880–1942) – воспитанник Санкт-Петербургского университета, приват-доцент по кафедре русской истории Харьковского университета (1910–1913), преподаватель Московского (1914–1915) и Петроградского университетов (1915–1916), профессор кафедры русской истории Саратовского университета, преподаватель Харьковского института народного образования (1920–1930).
58. Ключков Михаил Васильевич (1877–1952) – профессор кафедры русской истории Харьковского университета (1913–1919), в дореволюционный период своей деятельности придерживался консервативных взглядов.
59. Погодин Александр Львович (1872–1947) – профессор кафедры славянской филологии Варшавского университета, профессор Высших женских курсов в Петербурге, профессор кафедры славянской филологии Харьковского университета (1910–1919).
60. Медицинское общество основано при Харьковском университете в 1861 г. по инициативе профессора и директора хирургической клиники университета В. Ф. Грубе.
61. Дело Бейлиса – резонансный судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве.
62. Речь идет о В. И. Савве.
63. XVI Археологический съезд, проведение которого намечалось на 1914 г. в Пскове, не состоялся в связи с начавшейся Первой мировой войной.
64. См.: Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия: К происхождению современной германской идеологии // Русская Мысль. – 1915. – № 2.